С.В. Думин, к.и.н., Москва

ПОЛЬСКО-ЛИТОВСКИЕ РОДОВЫЕ ГЕРБЫ В ПРАКТИКЕ ДЕПАРТАМЕНТА ГЕРОЛЬДИИ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩЕГО СЕНАТА

(см. илл. на 2-5 стр. цв. вкладки)

Вряд ли есть необходимость специально останавливаться на истории формирования и особенностях польской геральдической системы, истории ее распространения на территории Великого княжества Литовского (с одновременным усвоением и адаптацией старых местных родовых символов литовских и западнорусских родов), а также напоминать, что именно польские гербовники еще в конце XVII в. использовались для справок в Палате родословных дел, а польские гербы послужили образцами для гербов многих старых русских дворянских родов.

Напомним только, что в отличие от многих других стран, находившихся в орбите западноевропейской геральдической традиции, Речь Посполитая никогда не имела официальной Герольдии [1], и функцию регистрации гербов (в самом прямом смысле этого слова, т.е. регистрации факта существования герба, а не права на герб) взяли на себя «частные лица» - авторы «Гербовников», «Herbarzy», написанных и изданных в XVI-XVIII вв. справочных изданий по шляхетской генеалогии и геральдике. Эти гербовники (Шимона Окольского, Бартоломея Папроцкого, Каспра Несецкого, Вуюка Кояловича и др.), включали, впрочем, далеко не все гербы шляхты, в них были пропущены многие фамилии (оставшиеся неизвестными их авторам), что впоследствии создавало некоторые проблемы с «геральдической самоидентификацией» некоторых родов. Именно эта регистрация (пусть неофициальная) шляхетских гербов придает им определенную стабильность. Известны случаи, когда под влиянием гербовников целые шляхетские семьи отказываются от прежних, собственных, гербов и принимают польские гербы, которыми пользовались упоминаемые в этих книгах однофамильцы. Т.е. в последние столетия существования Речи Посполитой Обоих Народов происходит «неформальная» стабилизация польско-литовской геральдики (сопровождавшаяся унификацией и утратой многих самобытных геральдических памятников).

---

[1] Привилеи, королевские грамоты, содержавшие указания на гербы, а иногда и их рисунки, в случае возведения в дворянское достоинство, подтверждения утраченных или оспоренных дворянских прав или предоставления прав польского дворянства иностранным дворянам, регистрировались в тех же книгах Коронной и Литовской канцелярий, что и все остальные королевские грамоты, а доказательство шляхетских прав, одновременно с правом на герб, производилось в случае необходимости в поветовых (уездных) земских шляхетских судах.

Ситуация коренным образом меняется после разделов Речи Посполитой. Окончательное закрепление практически во всех шляхетских семьях тех или иных родовых гербов (иногда отличных от употреблявшихся прежде) относится именно к этому периоду и связано с определением сословной принадлежности лиц, относивших себя к шляхте, на землях, присоединенных к Российской империи в 1772, 1793, 1795 гг. (по 1, 2 и 3 разделам), в 1806 г. (Белостокское воеводство) и в 1815 г. (Царство Польское).

Практически одновременно с землями, перешедшими к России по разделам Речи Посполитой, процесс регистрации родовых гербов происходит на другой территории, традиционно входившей в орбиту польской геральдики, на Левобережной Украине. Здесь казацкая старшина уже в XVII – первой половине XVIII вв. числе прочих традиционных атрибутов принадлежности к благородному сословию составляет себе гербы, также пользуясь при этом польскими образцами. Традиционные для Украины родословные легенды возводят происхождение большинства старшинских и многих рядовых казацких родов к выходцам из польской шляхты[2]. В отдельных случаях это соответствовало действительности, хотя даже шляхетское происхождение гетмана Богдана Хмельницкого, еще на королевской службе считавшегося шляхтичем и употреблявшего польский герб Абданк с изменением, многие историки подвергают сомнению. Точно так же не доказано шляхетское происхождение известного и знатного по малороссийским меркам черниговского рода Борковских, по образцу польской семьи принявших двойную фамилию Дунин-Борковских и польский герб Лабендзь, и т.д.[3] Иногда эти легенды признавались официально (как в случае графов Разумовских, объявленных потомками польского рода Ружинских)[4]. В этих случаях польские гербы, принятые малороссийскими родами на основании реальной или ложной генеалогической традиции, могли быть признаны за ними и удостоиться Высочайшего утверждения. Но довольно часто после первоначально успеха (положительного решения местного дворянского собрания; в конце XVIII – начале XIX вв. собрания относились к таким просителям довольно либерально и не слишком утруждали их необходимостью документальных доказательств) они не получали признания в дворянстве со стороны петербургской Герольдии (а следовательно, лишались и права употреблять дворянский герб).

Четкие следы польской геральдической традиции отмечены уже в конце XVII-XVIII вв. на Смоленщине, территории бывшего Смоленского вое-

---

[2] См. хотя бы опубликованный В. К. Лукомским и В. Л. Модзалевским в 1914 г. «Малоросийский гербовник».

[3] Там же. С. 49–50. Но, между прочим, и собственно польский, впоследствии графский род Дунин-Борковских, по утверждению некоторых исследователей, прежде пользовался иным гербом, а герб Лабендзь и родовое прозвание Дунин принял только после переселения на Украину, примерно в XVII в.

[4] Там же. С. 145–147.

водства, где местная шляхта, присягнув царю Алексею Михайловичу после капитуляции Смоленска в 1654 г., сохранила не только свои имения, но и автономную военно-служилую корпорацию («полк смоленской шляхты», существовавший вплоть до 1765 г.)[5]. У многих смоленских родов польско-литовского происхождения (Воеводских, Вонлярлярских, Глинок, князей Друцких-Соколинских, Рачинских, Храповицких и др.) или русских родов, в XVII в. также находившихся в первой половине XVII в. на королевской службе (например, у Потёмкиных) сохранились и были затем внесены в «Общий гербовник дворянских родов Всероссийской империи» их родовые польские гербы.

Прямая апелляция к польской геральдике была тем более обоснованной на землях, захваченных у Речи Посполитой в конце XVIII в., где шляхте формально гарантировалось сохранение прежних сословных прав и привилегий.

Это «геральдическое наследие» Речи Посполитой находилось первоначально в компетенции двух самостоятельных органов власти, уполномоченных рассматривать сословные права в Российской империи в целом: Герольдии, позже Департамента Герольдии Правительствующего Сената, и Герольдии Царства (Королевства) Польского (упразднённой в 1861 г.), действовавшая в этом государстве, первоначально связанном с Россией только личной унией.

Не останавливаясь подробно на деятельности Герольдии Царства Польского (это тема отдельной статьи), напомним только, что в изъятие из общероссийских правил права местных родов на их родовые гербы (приобретённые до присоединения этой территории к Российской империи) рассматривались местным Сенатом самостоятельно (одновременно с признанием семей в дворянстве). Лишь в случае семей, приобретших дворянство уже на русской службе, им составлялись новые гербы (передаваемые на Высочайшее утверждение). «Коренное», старое дворянство пользовалось своими родовыми гербами, а в официальных списках дворян Царства Польского, опубликованных в 1851–1853 гг., указаны и гербы этих семей[6]. Изображения этих гербов помещались и на дипломах, выдаваемых Государственным Советом Царства Польского лицам, доказавшим дворянство. И здесь была предпринята попытка кодификации

---

[5] Подробнее см.: Думин С.В. Смоленское дворянство // Смоленское дворянство. Вып. 1: Родословные очерки / Под ред. С.В. Думина; сост. Л.А. Верховская. М., 1997. С. 5–29.

[6] Список дворянам Царства Польского с приобщением кратких сведений о доказательствах дворянства. Warszawa, 1851; Дополнение к списку дворян Царства Польского. Warszawa, 1853. О деятельности Герольдии Царства Польского подробнее см.: Sęczys E. Szlachta wylegitymowana w Krylestwie Polskim w latach 1836–1861. Warszawa, 2000; Heroldia Królestwa Poslkiego. Katalog wystawy dokumentów ze zbiorów Rosyjskiego Państwowego Archiwum Historycznego w Sankt Petersburgu / Pod redakcją Sławomira Górzyńskiego. 17 XII 2001 – 3 II 2002. Muzeum Historyczne m. st. Warszawy. Warszawa, 2001.

дворянских гербов; но чиновники Герольдии Царства Польского (возглавляемые Н. Павлищевым) сумели подготовить и издать лишь два тома «Гербовника Царства Польского», 10/22 октября 1850 и 16/28 января 1851 гг. удостоенные утверждения императором Николаем I. Именно эти польские гербы впоследствии считались в России окончательно утверждёнными и именно они (вместе с дипломными гербами, составленными для уроженцев Царства Польского) вошли в известный справочник Департамента Герольдии (вот уже много лет готовящийся к изданию в РГИА). Но с другой стороны, и гербы, официально признанные за польскими дворянами Герольдией Царства Польского, но не вошедшие в гербовник и потому пропущенные в справочнике В.К. Лукомского, считались впоследствии утверждёнными. После некоторых колебаний Правительствующий Сенат распорядился выдавать и потомкам таких лиц копии гербов, признанных за ними в Царстве Польском при утверждении в дворянстве.

На территории так называемых «западных» (литовско-белорусских и украинских) губернии и в Белостокском округе (впоследствии присоединенном к Гродненской губернии) система доказательств дворянства, теоретически сходная с общероссийской, отличалась некоторыми особенностями, и одной из них было постоянное упоминание в определениях дворянских собраний о гербах, которыми «издавна», во всяком случае, до присоединения этих земель к Российской империи, пользовались предки данных лиц и семей. Традиционным элементом определений дворянских собраний был рисунок герба и часто - его описание. Во многих губерниях составлялись родословные книги с рисунками гербов всех внесенных туда семей[7]. В отличие от левобережной Украины (где геральдическая система все еще переживала период становления), здесь, как и в Царстве Польском, существовала собственная, достаточно стабильная, геральдическая система, сохранившаяся и в составе Российской империи.

Местная шляхта должна была доказать свои дворянские права в губернских депутатских дворянских собраниях, чьи решения затем подлежали утверждению петербургской Герольдией. При этом право на герб считалось традиционным атрибутом шляхетства и не рассматривалось специально и отдельно ни собранием, ни Сенатом (если не было особого о том ходатайства). Отсутствие у шляхетской семьи герба представлялось бы чем-то неестественным, и доказательству дворянства предшествовало «разыскание» герба (иногда в семейных документах, а чаще в печатных гербовниках; при этом нередки были недоразумения, в частности, вольные или невольные узурпации гербов, принадлежавших однофамильцам, да и не только однофамильцам).

---

[7] Подробнее см.: Думин С.В. Уездные гербовники и первые дворянские родословные книги белорусско-литовских губерний конца XVIII – начала XIX в. // Гербовед. № 5 (59). 2002. С. 92–100.

Изучение практики Герольдии (впоследствии Департамента Герольдии и его Гербового отделения) позволяет констатировать, что существование системы польско-литовской геральдики воспринималось русскими властями не только как реальный, но и как юридический факт. Лишь небольшая часть дворянства западных губерний решалась на значительные расходы, с которыми было сопряжено обращение в Департамент Герольдии с прошениями об изготовлении гербового диплома или внесении герба в «Общий гербовник». С точки зрения большинства простой регистрации герба в дворянском собрании было вполне достаточно. Тем не менее, в целом среди Высочайше утвержденных гербов российского дворянства гербы польско-литовских родов составляли значительный процент. При этом обычно польский герб утверждался примерно в том виде, в котором под соответствующим названием он значился в «классических» польских гербовниках, прежде всего у К. Несецкого (именно это издание, как видно из делопроизводства, использовалось для справок по польским гербам в Гербовом отделении Департамента Герольдии). Обращение к Несецкому позволяло констатировать геральдическую традицию, в соответствии с которой семья (или, во всяком случае, «фамилия») действительно пользовалась тем или иным гербом. В других случаях гербовник Несецкого и другие справочники по польской геральдике использовались при оформлении польских гербов семей, чьи фамилии не упоминались в них, но которые в свое время доказали дворянство в западных губерниях с гербами, приведенными в этих изданиях. Примером может служить хотя бы татарский род Хурамовичей, доказавший дворянство в Подольской губернии в 1802 г. с польским гербом Лук (см. рис.); именно этот герб на указанном основании был за ними впоследствии Высочайше утвержден со внесением его в «Общий гербовник»[8]. При этом Департамент Герольдии (после того, как было безусловно доказано главное - принадлежность просителей к потомственному дворянству) не проявлял особого интереса к обстоятельствам приобретения родом того или иного герба, опираясь именно на традицию, зафиксированную в первоначальных постановлениях дворянских собраний.

Порою, впрочем, «классические» польско-литовские гербы подвергались некоторой «доработке». Речь идет не только о стилистическом их уподоблении образцам русской геральдики того времени (соответствующий стиль и форма намёта, шлема), но и о некоторых, обычно не слишком существенных и принципиальных, изменениях и дополнениях, иногда - по просьбе самих просителей (например, могилёвский дворянский род Хоментовских получил в дополнение к традиционному гербу Лис двух воинов-щитодержателей) [РГИА. Ф. 1343. Оп. 31. Д. 2810 и др.]. Скрупулёзный барон Б. Кёне, детально прорабатывая польские гербы, дополнял их описания, в оригинале (у Несецкого и других авторов) не всегда достаточно точные (примером может служить его работа над гербом Гиппоцентау-

---

[8] Dumin S. Herbarz rodzin tatarskich Wielkiego Księstwa Litewskiego. Gdańsk, 1999. S. 68.

рус, принадлежащим и семье князей Гедройц)[9]. В числе довольно распространенных мелких изменений было «расцвечивание» страусовых перьев клейнода, в польской геральдической традиции обычно изображаемых натурального белого цвета, превращение этого белого цвета клейнода в серебро. Высочайшее утверждение польских гербов, предварительно прошедших апробацию в Департаменте Герольдии, означало их окончательную интеграцию в систему русской дворянской геральдики (точно так же как геральдика любой другой европейской страны, в том числе и России, воспринимала иностранные геральдические памятники, иногда - в результате поселения в этой стране владельцев этих гербов, иногда - в результате заимствования чужих геральдических образцов). Само по себе это явление отнюдь не уникально. В нашем случае обращают на себя внимание прежде всего масштабы усвоения русской геральдикой польских геральдических образцов (вдохновлявших и многих создателей русских родовых гербов).

Но не менее важно и другое: на территории, традиционно составлявшей ареал влияния польской (польско-литовской) родовой геральдики (а этот ареал уже в XVII в. был заметно шире тогдашних границ Речи Посполитой, охватывая и территории, не входившие в ее состав), продолжала существовать прежняя геральдическая система, со всеми ее характерными особенностями (существование названий гербов, их «назывного» эквивалента, «proclamatio», использование общего герба множеством родов, далеко не всегда связанных хотя бы символической традицией общего происхождения, традиция использовать гербы однофамильцев и др.). Более того, именно в «русский» период своего существования польско-литовская геральдика переживает период окончательной «кодификации», в Царстве Польском - на государственном уровне, в западных губерниях Империи - на уровне дворянских депутатских собраний, органов дворянского (т.е. шляхетского) самоуправления. Деятельность последних по регистрации дворянских гербов подвела своеобразный итог прежнему, «стихийному» развитию шляхетской геральдики этой территории. Именно эта польско-литовская геральдическая система, окончательно сложившаяся в первой половине XIX в., и продолжавшая существовать полуофициально в значительно более широких масштабах, чем русская официальная геральдическая система, определяла реальное лицо дворянской геральдики нескольких крупных регионов, где (как видно по данным переписей), проживала большая часть дворянства Российской империи. Родовой герб оставался отличительным знаком принадлежности по крови к благородному сословию и для многочисленных потомков польской шляхты, лишенных дворянских прав в результате ревизий дел дворянских собраний 1830–1840-х гг. (олицетворяя понятие польского шляхетства, существующего независимо от неутверждения в русском дворянстве).

---

[9] Подробнее см.: Думин С.В. Герб князей Гедройц (из дела о Высочайшем утверждении в России // Летопись ИРО. 1995. № 3 (47). С. 73–76.

Для лиц, уже утверждённых в потомственном дворянстве, обретение «вполне официального» юридического статуса для гербов, которыми они пользовались, требовало лишь формального обращения в Департамент Герольдии и некоторых денежных затрат. В результате официальная русская дворянская геральдика постоянно пополнялась образцами геральдики польско-литовской. Но и «полуофициальная» дворянская геральдика польско-литовский семей (как и в случае прибалтийских родов) воспринималась не только общественным мнением, но фактически и самим руководством Департамента Герольдии, как естественный элемент местной дворянской традиции. И разумеется, эти «неутвержденные» (т.е. не прошедшие Высочайшего утверждения, а чаще всего никогда и не представлявшиеся для утверждения), но подлинные старые фамильные гербы составляют, - в рамках традиционной польской системы дворянской геральдики, - неотъемлемое родовое достояние потомков этих семей, независимо от статуса, которым их предки пользовались после присоединения исторических земель Речи Посполитой к Российской империи.

Подобная практика вот уже десять лет существует в Российском Дворянском Собрании при представлении гербов таких семей на Высочайшее утверждение[10]. Эта традиция продолжена и образованным в 2002 г. Гербовым отделением Герольдии при Канцелярии Главы Российского Императорского Дома Государыни Великой Княгини Марии Владимировны.

В числе дворянских гербов, удостоенных Высочайшего утверждения в 2003–2004 гг., были и гербы семей, по происхождению принадлежащих к литовско-польскому дворянству; ряд аналогичных прошений находится на рассмотрении Герольдии.

25 июля 2003 г. по докладу герольдмейстера государыня утвердила гербы Лебедзей герба Лабендзь (из дворян Виленской губернии, литовско-татарский род), Олдаковских герба Равич (из дворян Подольской губернии), Руссиянов герба Наленчь (из дворян Могилёвской губернии), а также польский родовой герб Долива смоленского дворянского рода Пассеков[11]. 14 января 2004 г., также по докладу герольдмейстера, Великая Княгиня утвердила родовой герб Маркевичей (из дворян Гродненской губернии) – польский герб Лабендзь. Тогда же был утверждён герб смоленского дворянского рода Станюковичей, представляющий собой видоизменённый польский герб Вадвич. Гербом Вадвич (в щите, рассечённом червленью и серебром, обращённые спинами друг к другу рыбы переменных с полями цветов; над шлемом пять страусовых перьев) Станюковичи, после 1654 г. записанные на русскую службу в смоленскую шляхту, пользовались ещё в XVIII в (по аналогии с литовско-белорусским родом Станкевичей). Но в

---

[10] Подробнее см.: Думин С.В., Сапожников С.А. Родовая геральдика в Российском Дворянском Собрании // Геральдика. Материалы конференции «10 лет восстановления Геральдической службы России». СПб., 2002. С. 31–45.

[11] Об этой семье см. публикуемое в этом же номере «Гербоведа» Высочайше утверждённое 25 июля 2003 г. мнение Совета Герольдии.

середине XIX в. тогдашнее Гербовое отделение Департамента Герольдии Правительствующего Сената, рассматривая проект герба Станюковичей, заменило рыб на дельфинов (символизирующих морскую службу тогдашнего просителя). Именно этот вариант, уже прошедший сенатскую апробацию, но так и не оформленный окончательно, и потому в своё время не представленный на подписание государю, только в январе нынешнего года был, наконец, удостоен Высочайшего утверждения.

Одна из проблем, возникающих при регистрации Герольдией польско-литовских гербов, - традиционное для польско-литовской геральдики использование одного и того же герба многими десятками разнофамильных родов. Впрочем, и в русской геральдике такие примеры известны (например, гербы некоторых потомков князей Смоленских, Редеги князя Касожского, боярина Андрея Ивановича Кобылы). Фактически одинаковые гербы польского происхождения можно встретить в «Общем гербовнике дворянских родов Российской империи», а Высочайше утверждённый «Гербовник Царства Польского» даже построен не по алфавиту фамилий, а по алфавиту гербов, с перечислением семей, этот герб употребляющих. Таким образом, никаких юридических или иных препятствий для утверждения за просителями польско-литовских родовых гербов, совпадающих с уже утверждёнными, нет[12]. Тем не менее, в некоторых случаях мы стремимся хотя бы немного индивидуализировать эти родовые гербы, особенно если речь идёт об одноименных родах разного происхождения. Именно с такой проблемой Герольдия столкнулась при рассмотрении герба дворян Маркевичей. Существовал Высочайше утверждённый в царствование Александра III, 19 января 1885 г., герб Маркевичей, внесённый в т. XIII «Общего гербовника» (№ 43) (кстати, его цветное изображение опубликовано в книге И. В. Борисова-Ильина «Родовые гербы России». М., 1997.). В архиве Департамента Герольдии сохранилось и соответствующее гербовое дело [РГИА. Ф. 1343. Оп. 49. Д. 1050]. Но после просмотра этого дела выяснилось, что герб этот, польский герб Лабендзь, был утверждён за родом Маркевичей иного происхождения. Впрочем, герб Лабендзь использовали многие роды Маркевичей, в том числе и предки гродненской дворянской семьи, обратившейся в Герольдию через Российское Дворянское Собра-

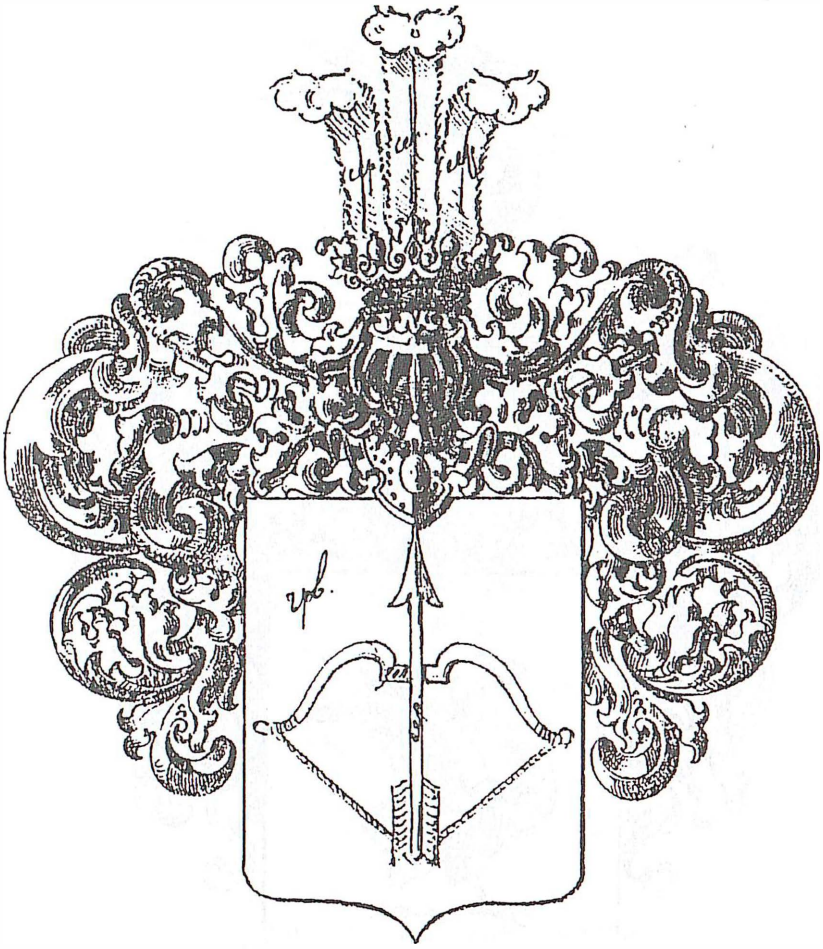
---

[12] Между тем, подобные проблемы возникают при регистрации польских гербов, например, в английской геральдической службе. College of Arms не регистрирует гербов, полностью идентичных гербам, уже внесенным в их регистры. Мой добрый знакомый, граф Андрей Цехановецкий, обратившись для регистрации своего родового герба Домброва, вынужден был согласиться на введение на щите каймы, так как первым этот герб, принадлежавший многим шляхетским семьям, внесло в регистр общество имени Св. Станислава Костки (этот польский святой был того же герба). А его друг, сэр Конрад Свон (Swan), сам сотрудник College of Arms, а впоследствии даже его глава (Garter King of Arms), предки которого, литовские шляхтичи Свентицкие, принадлежали к популярнейшему польскому гербу Ястржембец, должен был ввести на щите тройную кайму (как нетрудно догадаться, до него тот же герб уже регистрировался трижды).

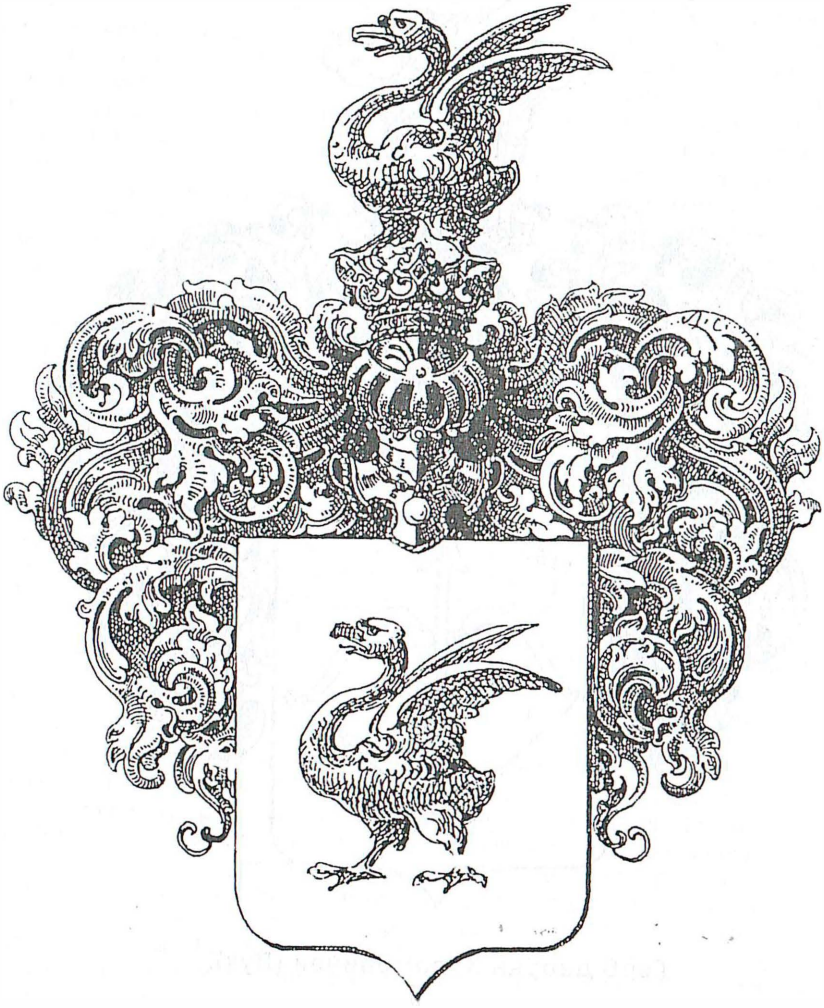
ние в 2003 г. В числе прочих родов гербом Лабендзь пользовался и уже упоминавшийся литовско-татарский род Лебедзей, чей герб только недавно был также удостоен Высочайшего утверждения. Естественно, за Маркевичами также должен был быть сохранён родовой герб Лабендзь. Но было признано целесообразным внести в гербы этих семей некоторые отличия. В частности, в гербе Маркевичей, утверждённом в 1885 г., щит имеет лазуревую волнистую оконечность. Этот элемент (обозначающий траву) был нововведением, в классическом, средневековом гербе Лабендзь трава (оконечность) отсутствовала. Было решено, что в гербе «гродненских» Маркевичей следует вернуться к геральдическому прототипу, оставив в щите только самого серебряного лебедя и убрав оконечность. Но был сохранён поворот лебедя в правую геральдическую сторону (хотя в старых польских гербовниках в этом гербе лебедь обычно обращён влево, современные польские геральдисты полагают более правильным следовать западноевропейским канонам и во многих гербах «разворачи-вают» фигуры слева направо). В этом виде герб «гродненских» Маркевичей отличается от ранее утверждённого герба их однофамильцев, но практически совпадает с гербом Лебедзей. Тем не менее, и между ними существует небольшое различие; в гербе Лебедзей лебедь изображается с золотыми глазами, клювом и лапами, в гербе Маркевичей клюв, глаза и лапы у лебедя чёрные, как и в гербе 1885 г., утвержденном за их однофамильцами. Таким образом, всё же удалось добиться некоторой индивидуализации герба, общего для всех перечисленных семей (и не только для них). Такую практика представляется вполне уместной; введение дополнительных цветовых обозначений для элементов герба, в старой польской геральдике не описанных, соответствует русской официальной геральдики XIX – начала XX вв. и позволяет индивидуализировать гербы отдельных семей, не нарушая их общую геральдическую традицию.

Кроме семей польско-литовского происхождения, как мы уже говорили, польские гербы использовали и собственно русские семьи. Некоторые из них сохранили эту традиция на протяжении нескольких веков. Так, например, семья Лопатиных ещё в 1800 г. представила в Тульское дворянское депутатское собрание рисунок и описание своего герба (см. рис.), оформленный в стиле тех лет. Его прототипом стал польский герб Любич, которым пользовались их «полуоднофамильцы», шляхтичи Лопатинские и Лопацкие (правда, обычно в гербе Любич над подковой изображается второй крест, но и вариант, аналогичный гербу Лопатиных 1800 г., также встречается). Именно этот старинный герб Лопатиных (разумеется, без дополнительных украшений, знамен, пушек и т.д.) и был Высочайше утверждён 25 июля 2003, спустя два века после его представления в дворянское собрание.

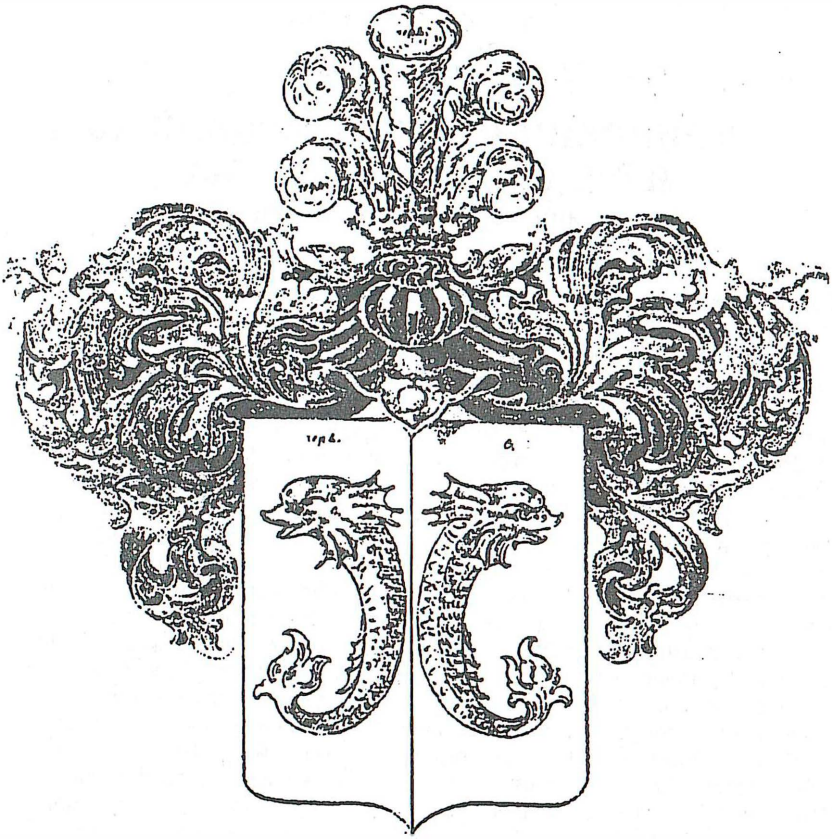
Итак, как и в прежние века, традиции польской геральдики сохраняются в российском дворянстве, а её наследие составляет один из важнейших элементов отечественной геральдической традиции.



Герб дворян Хурамовичей (Лук).



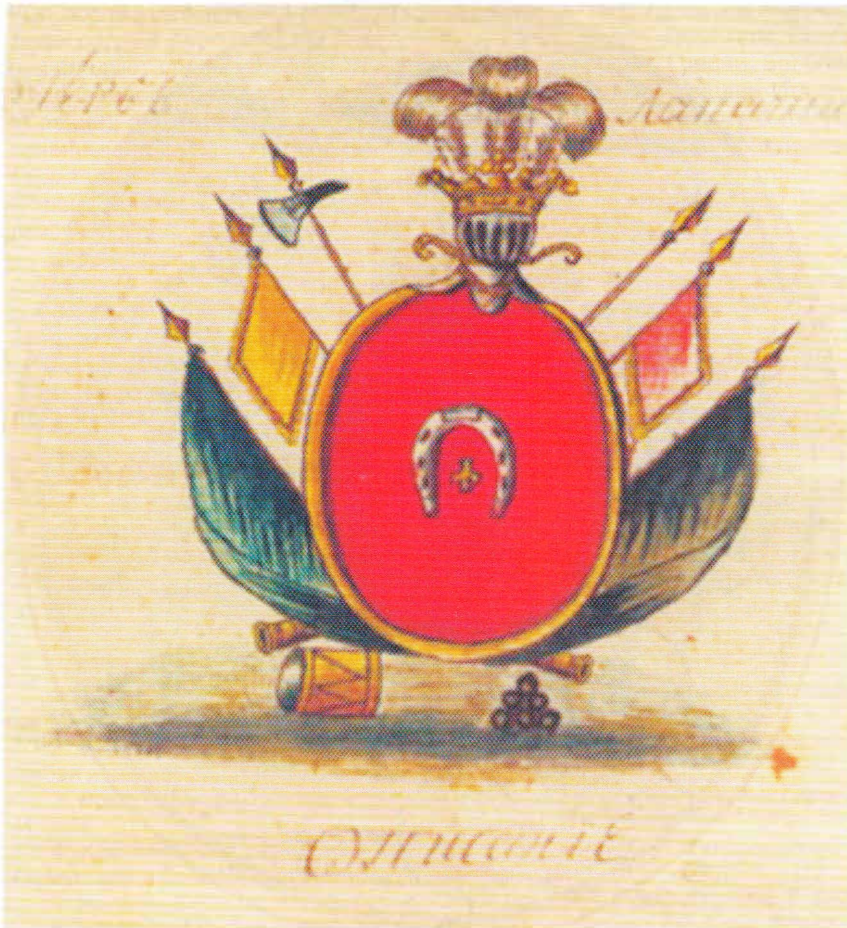
Герб дворян Маркевичей.



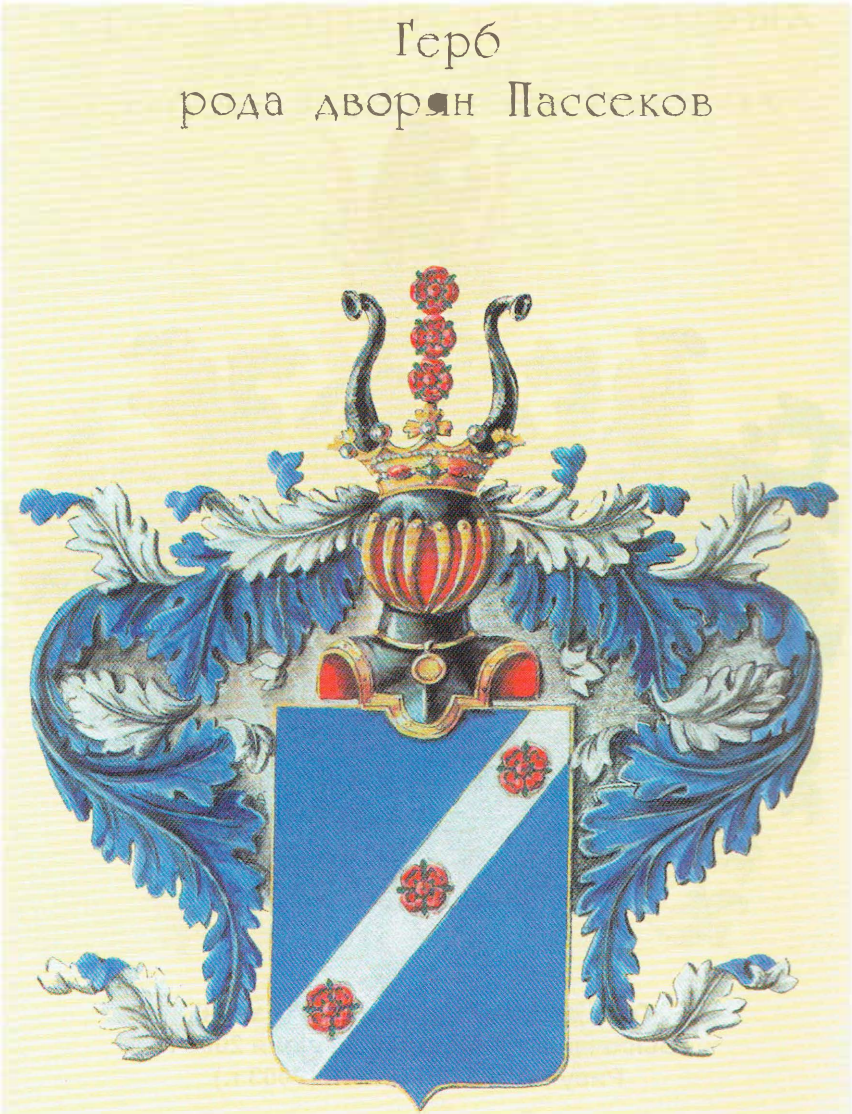
Герб дворян Станюковичей.

ПОЛЬСКО-ЛИТОВСКИЕ РОДОВЫЕ ГЕРБЫ В ПРАКТИКЕ ДЕПАРТАМЕНТА ГЕРОЛЬДИИ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩЕГО СЕНАТА

(см. стр. 10)



Герб дворян Лопатиных.
Рисунок 1800 г.
Высочайше утверждён
(но без дополнительных украшений)
25 июля 2003 г.



Герб дворян Пассеков (Долива).
Высочайше утверждён 25 июля 2003 г.
Рисунок Н.С. Думиной (2003 г.)

Герб дворян Олдаковских (Равич).
Высочайше утверждён 25 июля 2003 г.
Рисунок Н.С. Думиной (2003 г.)

Герб дворян Гарбузовых

(потомства подполковника
Александра Никифоровича Гарбузова)

Герб дворян Гарбузовых
(герб Бялыня с дополнением).
Высочайше утверждён 10 апреля 2004 г.
Рисунок Н.С. Думиной (2004 г.)